

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/22274200/38/1

В поисках единицы эмпирической базы большого академического толкового словаря: к вопросу о субъективности и объективности словарного описания

Роман Игоревич Воронцов¹, Екатерина Григорьевна Стукова²

^{1, 2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится проблема структуры эмпирической базы большого академического толкового словаря нормативно-исторического типа. Выделяется ряд единиц словарного корпуса (текст, контекст, цитата, предложение), различающихся с точки зрения словарных категорий объективности/субъективности: отражают ли они реальное словоупотребление или его интерпретацию писателем или лексикографом. Делается вывод о возможности создания трех связанных корпусов, основанных на различных единицах эмпирического материала.

Ключевые слова: большой академический толковый словарь, эмпирическая база словаря, единица словарного корпуса, текст, контекст, цитата, предложение, объективность, субъективность

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00070 «Эмпирическая база большого цифрового академического толкового словаря: разработка принципов формирования», <https://rscf.ru/project/25-28-00070/>.

Для цитирования: Воронцов Р.И., Стукова Е.Г. В поисках единицы эмпирической базы большого академического толкового словаря: к вопросу о субъективности и объективности словарного описания // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 5–28. doi: 10.17223/22274200/38/1

Original article

Searching for the empirical base unit of a great academic explanatory dictionary: On the subjectivity and objectivity of lexicographic description

Roman I. Vorontsov¹, Ekaterina G. Stukova²

^{1, 2} *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Abstract. The article discusses the problem of the structure of the empirical base (corpus) for a great academic explanatory dictionary of the Russian language associated with the normative-historic type. According to the lexicographic tradition, this dictionary will represent the lexical and stylistic systems of the Russian literary language of various historical periods ("from Pushkin up to now") taken in their dynamic correlation. The dictionary's empirical base will provide the lexicographer with trustworthy text material balanced against the genre, stylistic, and chronological differentiation; it will also propose a corpus toolset for investigation and presentation of language norms typical of every snapshot in the history of language described in the dictionary. To reach this aim, the authors identify a number of units of the future dictionary corpus (text, context, citation, lexicographer's example) which differ in terms of the lexicographic categories of objectivity/subjectivity: to what extent do these units correspond with the real language use and to what extent do they serve as its interpretation by the writer or lexicographer? Thus, *text* appears the most objective unit of the dictionary corpus though it stays syncrgetic in its functional specifics as well as subjective due to the impact of its author. Text might be opposed by *context* – a fragment of text characterized by discursive consistency and homogeneity. In its turn, the subjectivity of the lexicographer determines such units of the dictionary corpus as *citation* and *lexicographer's example*. However, the article proves that for a normative-historic dictionary this sort of material can be quite helpful as it allows to study the normative language use typical for the periods of the Russian language history when the synchronous explanatory dictionaries were being prepared. The linguistic consciousness of the lexicographer of the past, who selected a citation or created an example for his dictionary, will guarantee that this exact usage used to be typical and normative. Finally, the authors come to a practical conclusion that the empirical base of the future great

academic explanatory dictionary of the normative-historic type will consist of three interconnected corpora based on various units of language material. In spite of the difficulties in the creation of such corpora as well as their inevitable lacunarity, this kind of empirical base will certainly help to create a large-scale and authentic view of the normative language use referring to various periods in the history of the Russian literary language.

Keywords: great academic explanatory dictionary, empirical base of dictionary, unit of dictionary corpus, text, context, citation, lexicographer's example, objectivity, subjectivity

Acknowledgments. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00070, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00070/>

For citation: Vorontsov, R.I. & Stukova, E.G. (2025) Searching for the empirical base unit of a great academic explanatory dictionary: On the subjectivity and objectivity of lexicographic description. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/1

Постановка проблемы

На протяжении всей истории мировой лексикографии толковый словарь являет собой феномен, детерминированный как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, словарь всегда претендует на то, чтобы описать язык нации и тем самым отразить объективно существующую реальность – языковую систему и ее функционирование в речи. С другой стороны, он создается людьми, лексикографами, каждый из которых принадлежит культуре своей эпохи с ее представлениями о мироустройстве, идеологическими установками и эстетическими принципами, что неизбежно накладывает отпечаток на способ словарного описания. Категории субъективности и объективности составляют в лексикографии диалектическое единство, определяющее природу любого толкового словаря.

Значимость этих категорий для разных исторических периодов тем не менее оценивается по-разному. В раннюю пору развития толковой лексикографии (XVII–XVIII вв.), когда словари устанавливали нормы словоупотребления, опираясь на авторитет знатоков «изящного» языка (например членов Французской Академии), субъективные факторы доминировали. Но уже в XIX в., вместе с развитием исторического

языкознания и ростом внимания к эмпирическому материалу при изучении языка, роль объективной основы словаря существенно возрастает: именно к этому времени относится создание словарей-тезаурусов на основе больших картотек (см. [1]).

Достижения теоретической лексикографии XX в. обусловили повышение научных требований к составу и материалу словаря, заострив проблему «обоснованности» словарного описания, его «адекватности по отношению к реальности» [2. С. 194]. Словарная картотека теперь должна была не только служить богатым источником материала, но и «показать определенное состояние языка» [3. С. 15], стать эмпирической основой для создания его лексикографической модели. Состав картотеки напрямую увязывался с представлением об объекте нормативного толкового словаря как «моментальной фотографии» современного словоупотребления [4. С. 27].

Так вырабатывалось положение об источниках толкового словаря как о представительной выборке из генеральной совокупности текстов, чему способствовала все более тесная интеграция лексикографии и корпусной лингвистики. Благодаря развитию корпусов, определивших лингвистическую идеологию рубежа XX и XXI вв. [5] и подчеркнувших значимость объемного и структурированного эмпирического материала в лингвистических исследованиях, стало отчетливо ясно, что «обоснованность словаря» достигается именно за счет надежной эмпирической базы (словарного корпуса), демонстрирующей, а точнее *репрезентирующей* реальное речевое употребление. Особенно важным это оказалось для толковых словарей литературного языка, ориентированных не только на отражение лексической системы, но и, прежде всего, на описание ее функционирования в рамках «нормированного узуса» [6. С. 176].

Согласно теории Б.Ю. Городецкого, установить соотношение между словарным описанием и реальным употреблением языка «возможно лишь в том случае, если мы признаем, что объект моделирования в словаре – это всегда некоторый подъязык или комплекс подъязыков» [2. С. 194]. Таким комплексом подъязыков (функциональных стилей, жанров, модусов речи и т. п.) является и литературный язык в целом, выступающий в качестве объекта описания в толковом словаре.

А значит, идеальная словарная эмпирическая база должна быть репрезентативна в отношении всей его функциональной, коммуникативной и социальной дифференциации. Только так можно создать предпосылки для подлинно объективного словарного описания.

Тем не менее хорошо известно, что тексты, служащие источниками словаря (и особенно тексты художественной литературы, традиционно преобладающие в эмпирической базе нормативной толковой лексикографии), крайне разнородны с точки зрения представленных в них языковых разновидностей. Ср., например, предпринятый В.В. Виноградовым анализ языка Гоголя, показавший возможности чередования и гармоничного сочетания в одном тексте целого ряда «языковых стихий»: литературно-книжного языка, разговорной речи, просторечия (в том числе вулгарного), официально-делового стиля, множества областных и профессиональных диалектов [7. С. 271–330]. Так может ли быть по-настоящему объективной эмпирическая база, в которой различные «подязыки» представлены синкретично, нерасчлененно? Кажется, что нет. Тогда как обеспечить адекватную корреляцию между словарным корпусом и системой коммуникативных разновидностей литературного языка? Судя по всему, необходимо задуматься о дроблении текстов-источников на такие фрагменты, которые непротиворечиво отражали бы эти разновидности. И здесь возникает вопрос о единице такого дробления – *единице словарного корпуса*: может ли служить такой единицей целый *текст*, или его коммуникативно однородный фрагмент (*контекст*), или выбранная из текста *цитата*, или, наконец, сконструированное лексикографом типовое *речение*?

В поисках ответа на этот вопрос не будем, однако, забывать, что толковый словарь литературного языка – не бесстрастный регистратор языковых фактов, а продукт своей эпохи и своих составителей, что он обусловлен социокультурно и психологически, и, следовательно, имманентно субъективен. Субъективность словарного описания нередко становилась предметом рефлексии лексикографов, а тезис о том, что не существует словаря, свободного от идеологии своего времени, кажется, ни у кого не вызывает сомнений (см. хотя бы: [8–12]). Более того, даже текстовый материал, призванный обеспечивать объективность словарного описания, способен привнести в словарь субъ-

ективизм особого рода, а именно «субъективизм писателя», проецирующего на художественную речь свое индивидуальное мировосприятие [13. С. 156–157]. Задача повышения обоснованности словаря подразумевает поэтому не преодоление субъективности словарного описания, а ее «укрощение», рационализацию, попытку обнаружить в ней конструктивное начало, которое бы не только не мешало, но даже способствовало адекватному отражению языковой действительности в словаре.

Для этого, выделив потенциальные единицы словарной эмпирической базы, необходимо охарактеризовать их с точки зрения объективности/субъективности: в какой мере каждая из них соотносится с *реальным* словоупотреблением, а в какой – отражает *интерпретацию* этого словоупотребления тем или иным субъектом – автором, рассказчиком, персонажем литературного произведения, с одной стороны, и лексикографом, выборщиком цитат, составителем корпуса, с другой. Определение места каждой из выделенных единиц на шкале субъективности/объективности позволит впоследствии спрогнозировать сферы их оптимального применения в лексикографической практике.

Поводом для погружения в данную проблематику стали для нас размышления о концепции будущего большого цифрового академического толкового словаря русского языка нового времени («от Пушкина до наших дней») – преемника академической традиции создания многотомных толковых словарей (см. [14]). Согласно сложившимся теоретическим установкам, новый словарь будет относиться к нормативно-историческому типу, т.е. представит нормативные системы языка разных исторических периодов в их динамическом соотношении (см. [15. С. 57–58]). Выработка концепции такого словаря, самой своей природой предназначенного для того, чтобы занять центральное место в системе словарей национального языка, относится к числу наиболее актуальных проблем современной российской лексикографии. В последнее время уже был намечен возможный подход к ее решению и в том числе поставлена задача подготовки специального корпуса источников такого словаря – его эмпирической базы [15, 16].

Словарный корпус, соответствующий объекту описания в словаре литературного языка, будет отличаться от общезыкового корпуса

своей изначальной ориентацией на лексикографические задачи. Его состав и структура послужат объективной основой для принятия словарных решений. Сегодня ответственность за адекватность описания лексики целиком лежит на плечах лексикографа (что часто приводит к проявлениям волюнтаризма), однако в будущем, при условии создания качественных словарных корпусов, важная часть этой ответственности будет возложена на грамотно структурированную и глубоко аннотированную эмпирическую базу.

Таким образом, корпус источников большого академического нормативно-исторического словаря должен будет обеспечить лексикографа надежным текстовым материалом, сбалансированным с точки зрения жанрового, стилистического и хронологического расслоения, а также – предложить ему корпусный инструментарий для исследования и словарного представления языковых норм, характерных для каждого из описываемых синхронных срезов. Попытка поиска возможных решений для структурирования этой базы, составляющая новизну предпринятого нами исследования, на первом этапе носит преимущественно теоретико-методологический характер. Предлагаемой в данной статье концепции еще предстоит пройти проверку лексикографической практикой.

(Кон)текст – цитата – речение: единицы словарного корпуса между объективной реальностью и субъективной оценкой

Эмпирический языковой материал, которым оперируют современные лексикографы, составляющие нормативные толковые словари, представлен тремя видами единиц: это полные *тексты*, помещенные в исследуемый корпус, *цитаты*, выбранные из текстов и (или) использованные в предшествующих словарях, и *речения*, созданные авторами словарей разных эпох. Все эти три вида единиц в разной мере и в разном качестве соотносятся и с объективной языковой действительностью, отражаемой в словаре, и с субъективным взглядом на эту действительность, представленным сквозь призму сознания авторов текстов, выборщиков цитат и составителей словарей.

На первый взгляд, самой объективной единицей словарной эмпирической базы является *текст*, представляющий собой реальное ре-

ческое произведение, относящееся к определенному жанру и сфере функционирования языка. Однако на самом деле это справедливо лишь по отношению к тем типам текстов, в которых сведено к минимуму авторское начало: официально-деловым, техническим, юридическим, справочным и т. п. Ни один толковый словарь не может быть построен только на этом материале. Так, например, в корпусе Цифрового словаря немецкого языка (DWDS-Kernkorpus) подобные тексты сведены в группу «прочих нехудожественных», составляющую не более 20% всего объема [17. С. 30], а в Основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) – базовом источнике современной российской лексикографии – едва насчитывают 10% [18].

Основу любого общезыкового корпуса (в том числе словарного) составляют тексты иного рода, а именно тексты с выраженной авторской спецификой. Публицистические, рекламные, маркетинговые, эпистолярные, автобиографические и даже многие научные и научно-популярные тексты являются проекцией замысла и идиостиля автора, что приводит к смешению в них различных с функционально-стилистической точки зрения жанров и типов коммуникации: книжных, разговорных, высоких, низких, официальных, жаргонных и т. п.

Высшее проявление авторского начала и, как следствие, наибольший функционально-коммуникативный синкретизм обнаруживают себя в текстах художественной литературы. Признанные в качестве авторитетных и репрезентативных источников нормативной лексикографии, художественные тексты – в силу своей стилистической и нарратологической многослойности – часто уводят лексикографа от картины реальной языковой действительности в анфиладу ее субъективных отражений: авторская речь перемежается речью повествователя, диалогами и монологами персонажей, несобственно-прямой речью, цитируемыми письмами и документами и т. п. Каждый из этих элементов обладает собственными коммуникативными, социальными, функциональными, стилистическими, одним словом – дискурсивными характеристиками, высвечивающими в отрезке текста черты того или иного субъекта.

Является ли эта *субъективность* недостатком текста как единицы словарного корпуса? Безусловно, нет. Напротив, благодаря ей текст

оказывается источником, представляющим не одну, а множество *объективно* существующих норм выражения, и задачей лексикографа становится выявление этих норм и вычленение репрезентативных в их отношении текстовых фрагментов – *контекстов*, которые могут послужить материалом для точной квалификации (особенно стилистической) употребленного в их составе языкового средства. Важно, однако, иметь в виду, что задача фрагментации авторского текста не имеет простого решения. Ей противостоит спаянность литературно-художественной языковой ткани, предназначенной не для отражения общего употребления, а для индивидуализации, эстетизации речи [19. С. 92]. Диалектика нормативной лексикографии заключается именно в том, что мы каждый раз вынуждены отбирать общеупотребительное, объективное из суммы субъективного, индивидуального.

Так или иначе, *тексту* как синкретичной единице словарного корпуса должен быть противопоставлен *контекст* – текстовый фрагмент, обладающий дискурсивной цельностью и однородностью. Разработка принципов и процедур выделения таких контекстов является перспективной научной задачей, решение которой лежит на пересечении цифровой лексикографии, функциональной стилистики, корпусной лингвистики, лингвистики текста и теории дискурса. Методологическими опорами могут послужить здесь теория подъязыков Б.Ю. Городецкого [2], классификационная модель типов дискурса А.А. Кибрика [20], система регистров, жанров и стилей Д. Байбера и С. Конрад [21] и другие исследования. Учесть эстетическую специфику художественного текста, вероятно, позволит основанная на понятии *нормы контекста* (Б.А. Ларин) методика выделения нейтральных, авторских и промежуточных контекстов как единиц эмпирической базы нормативного словаря, предложенная Т.И. Гайкович [22]. Отдельного внимания заслуживает опыт создания глубоко аннотированной части Мультимедийного подкорпуса НКРЯ, в которой извлекаемые из общего видеоряда «кликсты» (клип + текст) маркируются по целому ряду коммуникативных параметров [23].

Однако не только перспективные исследования, но и традиционная практика компиляции словарных эмпирических баз может оказаться полезной для будущего словарного корпуса. Если верно, что

советское языкознание «виноградовской школы», ориентированное на скрупулезный анализ совокупности литературных текстов, во многом напоминает «стихийную» корпусную лингвистику [5. С. 13], то и академическая словарная картотека, планомерно пополнявшаяся на протяжении целого столетия, есть аналог словарного корпуса, в котором тексты разобраны на законченные фрагменты – *цитаты*. В самом деле, что же такое картотечная цитата, как не отобранный по ряду *лексикографических* оснований контекст? Важно, тем не менее, учесть некоторые нюансы.

Методическое сопровождение лексико-фразеологических выборок для Большой словарной картотеки было представлено в XX в. целым рядом установочных документов, первый из которых датируется 1936 г. [24–26] и др. Все эти инструкции исходили из того, что «основным объектом словаря, а следовательно, и картотеки» является слово в его семантической, грамматической, орфографической и стилистической ипостасях [26. С. 130]; контекстам же, выписываемым на карточки, отводилась второстепенная роль: служить «оправдательными примерами и подтвердительными цитатами» [25. С. 6]. *Словоцентричность* картотеки, обеспечивавшая ей, по сути, единственно возможный в доцифровую эру способ существования и развития, приводила, однако, к тому, что собранный материал не был в полной мере репрезентативен в отношении реального функционирования литературного языка в его дискурсивном разнообразии. Глубинное противоречие традиционной словарной картотеки состояло в том, что, будучи совокупностью языкового материала, которая должна позволить лексикографу *индуктивным* путем вырабатывать словарные решения, сама она формировалась с использованием *дедуктивной* методики: не слово получало характеристику на основании анализа достаточного числа контекстов, а контекст отбирался для подтверждения заранее установленной характеристики слова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить рекомендации по выборке отрезков текста, предлагаемые в лучшем из картотечных пособий [25]. Важнейшим критерием выборки в нем декларируется «смысловая ясность и стилистическая отчетливость того слова, ради которого выписывается цитата» [25. С. 12], иными словами, цитата

должна, во-первых, точно диагностировать семантику слова, а во-вторых, подтвердить сферу и особенности его употребления. Если выявление значения слова по его контекстному окружению было целесообразным и даже прогрессивным для языкознания середины XX в. методом, то для функционально-стилистической выборки инструкции не давали почти никакого инструментария.

Отчасти функциональная сфера учитывалась в ходе *частичной* выборки, при которой тип выписываемой единицы иногда увязывался с тематической и (или) стилистической спецификой текста: из произведений романов следовало выбирать лексику описываемых профессий, из научно-популярной литературы – лексику соответствующих отраслей науки, из поэзии – образно-метафорические употребления, из деловых текстов – употребительную официально-деловую лексику и т. д. [25. С. 8–25]. Однако для всех прочих текстов (составлявших большинство) инструкции носили весьма общий характер. Выборщикам предписывалось регистрировать «употребления разговорных, просторечных, жаргонных, местных, устарелых, редких и специальных слов» [25. С. 14], но не приводились основания, которые мог предоставить контекст для отнесения этих слов к стилистическим разрядам. Получалось, что выборщик должен был сам установить характеристику встретившегося слова и на основе этого априорного умозаключения принять решение о выписке показательного контекста. Ср. ряд образцов выборки:

(1) Мальчик бережет на память отцовский *моряцкий* пояс. (А. Барто. О литературе для детей) – Слово живой непринужденной речи. [25. С. 14]

(2) Приехали мы сюда не *дикарями*, а как честные члены профсоюза... *горели* ясным огнем две путевки, и мы на это дело *кутились*... (В. Чивилихин. Над уровнем моря) – Слова *дикари* и *гореть* в отмеченных значениях из просторечия; слово *купиться* – жаргонное. [25. С. 15]

(3) Всем просящим он [князь] давал не столько из доброты или доверия к людям, сколько из напускного джентльменства: возьми, мол, и чувствуй мою *комильфотность*! (А. Чехов. Пустой случай) – Слово редкое. [25. С. 14]

Эти примеры, приводимые в общем перечне, совершенно различны с точки зрения обоснованности выводов об употребленных в них словах. Контекст (1) представляет собой цитату из доклада А. Барто на съезде писателей, текст написан книжно-письменным языком и не

дает никаких оснований для того, чтобы охарактеризовать слово *моряцкий* как разговорное. Неслучайно поэтому, что словари при описании данного слова отдают предпочтение другим цитатам, действительно относящимся к живой непринужденной речи (см. [27. Т. VI. С. 1284; 28. Т. II. С. 302]). Контекст (2) выбран из отрывка повести В. Чивилихина, целиком написанного сниженным разговорно-просторечным стилем от имени одного из персонажей, что позволяет соответственно охарактеризовать употребляющиеся в нем слова, хотя и остается неясным, как по одному этому контексту различить просторечное и жаргонное. И наконец, цитата (3) – это тот случай, когда контекст действительно служит надежным основанием для функционально-стилистической характеристики слова: дискурсивный маркер *мол* свидетельствует о переходе от литературной авторской речи к сниженной речи персонажа – «захудалого русского князька», что и отражено в словарных толкованиях: *комильфотность* – ‘в дворянском жаргоне – свойство комильфотного’, *комильфотный* – ‘в дворянском жаргоне – соответствующий нормам светского приличия’ [27. Т. V. С. 1233]. Подчеркнем, что пример (3) иллюстрирует выборку, основанную на единственном объективном критерии, предлагаемом инструкцией: «Рекомендуется выбирать слова и словосочетания, так или иначе оговоренные при употреблении, сопровождающиеся вводными словами <...> или заключенные в кавычки» [25. С. 17].

Так, анализ инструкций по выборке цитат для словарной картотеки приводит нас к мысли о «парадоксе выборщика», состоящем в том, что человек, чьей задачей было формирование «сырой» контекстной базы для последующей выработки на ее основе профессиональных словарных решений, вынужден был сам принимать подобные решения применительно к каждому контексту, руководствуясь почти исключительно личными знаниями и языковым чутьем. При этом если в более поздних инструкциях апелляция к языковому чутью только подразумевалась, то в инструкции 1936 г. о ней сказано прямо: при выборке литературных цитат «гораздо больше места отводится свободному выбору и многое зависит от языкового чутья выборщика» [24. С. 11].

Таким образом, *картотечная* цитата, являющаяся фрагментом реального речевого произведения и поэтому до некоторой степени обладающая свойством объективности, по преимуществу все же обусловлена личностью выборщика, его квалификацией, добросовестностью, языковым вкусом, общественными установками эпохи и т. п. Любая же *словарная* цитата (взятая из картотеки и помещенная в иллюстративную зону словарной статьи) субъективна вдвойне: субъективизм выборщика удваивается субъективизмом лексикографа, выбравшего именно эту цитату, чтобы на ее примере показать нормативное словопотребление того или иного исторического момента.

Тем не менее, подобно авторской субъективности текста, способствующей (при должном подходе) раскрытию объективной природы функционирования языка, лексикографическая субъективность словарной цитаты также может послужить целям описания объективной языковой действительности. Личность лексикографа выступает в качестве фильтра, пропускающего в словарь те элементы окружающего речевого многообразия, которые отражают языковую норму и идеологию эпохи [29. С. 95]. Наиболее ярко это проявляется в словарях нормативно-стилистического типа, описывающих современное им словопотребление и не преследующих исторических задач: в «Словаре Академии Российской», «Словаре русского языка» Я.К. Грота, «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Академическом толковом словаре русского языка» под ред. Л.П. Крысина. Целью таких словарей является системное описание действующей нормы, для подтверждения которой привлекаются соответствующие ей цитаты как из современных источников, так и из более ранних текстов, которые тем не менее определяют норму данного синхронного среза (см. [4. С. 27]).

Из этого следует, что совокупность цитат, выбранных из картотеки и включенных лексикографами в нормативные словари синхронного типа, может составить корпус материала, показательный в отношении языковых норм, действовавших не столько в периоды создания процитированных текстов, сколько в периоды создания самих этих словарей. Субъективность цитаты, обусловленная личностью лексикографа, отобравшего ее для своего словаря, будет выступать гарантией ее

соответствия реальному словоупотреблению эпохи. Представляется, что такой корпус может оказать неоценимую услугу в деле разработки нормативно-исторического толкового словаря, ориентированного на описание последовательной смены норм литературного языка на протяжении длительного временного отрезка. Но едва ли не бóльшую пользу может принести корпус словарных *речений* – единиц, отличающихся в плане отражения реального функционирования языка наивысшим уровнем единства объективного и субъективного.

Речение – это типовой контекст, демонстрирующий сочетаемостные свойства слова и до некоторой степени раскрывающий его семантику. Идеальное речение не выдумывается составителем словаря, а конструируется на основе множества реальных контекстов, т. е. представляет собой продукт анализа, направляемого корпусом (*corpus-driven analysis*). Однако такой подход не всегда был возможен: как на ранних этапах развития лексикографии, когда она еще не обладала достаточной эмпирической базой, так и в XX в. речения нередко создавались лексикографами искусственно. Хорошо известна, в частности, острая критика 4 тома «Словаря современного русского литературного языка» [27], содержавшего речения вроде «дачники заблаженствовались», «ягненок загрызается волком» и т. п. (см. [30]).

Но даже если не принимать во внимание подобные неудачные образцы, следует признать, что словарное речение обладает двоякой природой: призванное отражать типовое словоупотребление, оно тем не менее является авторским, так как создается конкретным носителем языка. Именно поэтому, по наблюдениям французского лексикографа А. Рея, речение, в отличие от цитаты, отражает не отдельное употребление лексической единицы, а ее узуальную языковую потенцию, извлеченную из языковой способности лексикографа [29. С. 108]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что прежде всего через речения, даже вполне соответствующие корпусным данным, в текст словаря проникают «идеологии и оценки», характерные для времени его создания [29. С. 113]. Во французской словарной традиции эта идея настолько ясно осознается, что даже получила литературно-художественное отражение: в романе Р. Жорифа «Le navire Argo» (1987) речения словаря Литтре (и даже включенные в него цитаты) осмысле-

ны в качестве корпуса, репрезентирующего личность и мировоззрение лексикографа как представителя своей эпохи [31. С. 149–150]. По нашему убеждению, такой взгляд вполне соответствует истине, ибо совокупность словарных речений – это всегда некоторая субъективная *интерпретация* объективной языковой и социокультурной действительности.

В российской науке «интерпретационный» характер «контекстологии» словаря подчеркивала С.Г. Ильенко, подразумевая, что речения должны не только иллюстрировать употребление слова, но и раскрывать «содержательно-стилистическую и коннотативную среду его бытования» [32. С. 619]. Этот принцип, в разной степени реализованный словарями прошлого, нашел наиболее полное воплощение в проекте синхронного «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г.Н. Складервской, согласно которому речения (единственный тип иллюстраций) предназначаются для показа «живого реального функционирования слова» [33. С. 100]. Обширные и разнообразные ряды речений, приводимые к каждой описываемой в этом словаре единице, позволяют отчасти представить те или иные фрагменты картины мира современников, отраженные в зеркале языка:

перейти <...> **11.** <...> П. на передовые методы. П. на высокоскоростные технологии. П. на растительную пищу. П. на шестидневный режим работы. Учреждение переходит на новые тарифные ставки. Банк перейдет на расчеты в рублях. Фабрика перешла на выпуск безотходной продукции. Передавая секретные данные, агент перешел на язык кодов. <...> [33. С. 101].

Безусловно, не каждое речение представляет собой типовой контекст употребления слова: чем оно длиннее, чем более развернутой структурой оно обладает, тем сильнее проявляется в нем личность его составителя. Большой типичностью и объективностью характеризуются краткие контексты, как правило, равные словосочетанию, что подтверждается, в том числе, данными экспериментальной лингвистики. Так, исследование О.А. Митрофановой и С.А. Крылова, проведенное на материале речений «Словаря русского языка» С.И. Ожегова в их сопоставлении с полнотекстовым корпусом, доказало принципиальную совместимость корпуса словарных речений и корпуса реальных текстов, причем первый был интерпретирован как «метаописание» по отношению ко второму, «сходное с ним по качественному на-

полнению, но отличающееся компактностью, гибкостью и удобством в обращении» [34. С. 387].

Таким образом, речи, составленные лексикографами разных эпох, равно как и литературные цитаты, отобранные ими для нормативных толковых словарей синхронного типа, представляют собой ценный эмпирический источник, который может способствовать реконструкции общего нормативного словоупотребления разных исторических периодов. Прямое соотнесение субъективного языкового материала с объективным состоянием языковой нормы оказывается возможным благодаря взаимообусловленности общей системы языка и языковой способности индивида. Напомним, что, согласно учению Л.В. Щербы, «языковая система <...> есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в *индивидуальных речевых системах*, возникающих под <его> влиянием (курсив наш. – *Р.В., Е.С.*)» [35. С. 28]. Для словаря это означает, что «индивидуальная речевая система» лексикографа, создавшего или отобравшего тот или иной контекст, как раз и выступает в качестве посредника между общим и индивидуальным, между объективным и субъективным.

Продолжая апеллировать к Л.В. Щербе, можно заметить, что, в сущности, любой словарный пример есть продукт лингвистического эксперимента [35. С. 31–32], в ходе которого лексикограф, опираясь на объективно данный языковой материал (*тексты*), формирует представление о том или ином системном факте языка и затем, проверяя его на других фактах, или отбирает показательный контекст (*цитата*), или создает новый контекст, иллюстрирующий обнаруженную закономерность (*речение*). Текст, цитата и речение составляют, таким образом, триаду взаимодополняющих единиц словарного корпуса, каждая из которых по-своему соотносится с объективной и субъективной сторонами функционирования языка и может быть использована как материал для нормативно-исторического словаря сообразно своей природе.

Предварительные выводы

При формировании эмпирической базы толкового словаря, нацеленного на системное отражение последовательной смены литератур-

но-языковых норм в течение длительного исторического отрезка [15. С. 58], принципиально важно понимать двоякую сущность включаемого в словарный корпус языкового материала. Прежде всего, этот материал *выражает* объективно действующую на определенном синхронном срезе норму, но в то же время он *оказывает влияние* на становление этой нормы и ее субъективное осознание членами языкового коллектива (в данный момент или в будущем). В первом случае словарному корпусу обеспечивается свойство *репрезентативности*, во втором – свойство *авторитетности*.

Репрезентативность корпуса нормативного словаря подразумевает, что он может достоверно представлять литературный язык в его функциональной, коммуникативной и социальной дифференциации, характерной для данного исторического периода. Авторитетность, в свою очередь, свидетельствует о том, что корпус может служить основанием для выявления языкового материала, значимого с точки зрения формирования нормы описываемого периода.

В первом случае оптимальной единицей словарного корпуса является дискурсивно однородный контекст, иногда равный целому тексту, но, как правило, являющийся текстовым фрагментом, представляющим ту или иную функциональную разновидность литературного языка. Во втором случае значим не любой контекст, а лишь тот, который был одобрен представителем языкового коллектива и признан им релевантным с точки зрения влияния на норму данного периода. Таким авторитетным представителем может быть признан лексикограф прошлого, рефлексировавший о состоянии литературного языка своего времени и в результате принимавший решения об отборе языкового материала для своего словаря. С этой точки зрения ценный эмпирический материал может предоставить в наше распоряжение лексикографическая традиция: важны не столько сами тексты, использовавшиеся в качестве словарных источников, сколько цитаты, отобранные из них составителями нормативных словарей синхронного типа, а еще более – созданные ими речения.

Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что сформировать словарный корпус, в полной мере удовлетворяющий требованиям репрезентативности и авторитетности в изложенном понимании, крайне за-

труднительно. Основными проблемами видятся, во-первых, неизбежная лакуарность любого, даже самого полного корпуса словарных цитат и речений, а во-вторых, объективная сложность фрагментации текстов (особенно художественных) и отсутствие разработанных для этого методов и процедур (можем только выразить надежду на помощь таких технологий, как векторно-семантический анализ и применение нейросетевых алгоритмов).

Тем не менее мы убеждены, что показательная эмпирическая база для большого академического нормативно-исторического толкового словаря может быть основана только на единстве объективного и субъективного факторов, проявляющемся в балансе критериев репрезентативности и авторитетности словарного корпуса. В соответствии с этим представлением, эмпирическая база словаря может быть представлена тремя взаимосвязанными корпусами: 1) глубоко аннотированным полнотекстовым корпусом с возможностью выделения дискурсивно однородных фрагментов текста, 2) корпусом цитат, извлеченных из нормативно-стилистических словарей синхронного типа, относящихся к разным периодам истории языка, и 3) корпусом словарных речений, полученных из всех авторитетных словарей литературного языка за период, описываемый словарем.

Список источников

1. *Воронцов Р.И., Приемьшева М.Н.* Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 5. С. 5–24.
2. *Городецкий Б.Ю.* Лексикография и теория подъязыков // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 194–202.
3. *Котелова Н.З.* Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб. : Наука, 1995. С. 11–18.
4. *Сорокин Ю.С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
5. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

6. Мустайоки А. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование. М. : Наука, 1988. С. 170–181.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М. : Наука, 1990. 388 с.
8. Уваров В.Д. Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография / сост. В.Д. Уваров. М. : Рус. яз., 1979. С. 43–52.
9. Герд А.С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 948–954.
10. Голубева-Монаткина Н.И. Идеологический компонент в словарных дефинициях (на материале современных французских толковых словарей) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 1. С. 55–59.
11. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 204–215.
12. Пестова А.Р. Стилистические пометы в словаре как зеркало эпохи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 3. С. 265–275.
13. Горбачевич К.С. Словарь литературного языка и язык художественной литературы // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 155–161.
14. Пурицкая Е.В. От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого академического словаря русского языка» // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 83–94.
15. Воронцов Р.И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. С. 56–68.
16. Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.
17. Geyken A. The DWDS corpus: A reference corpus for the German language of the 20th century // Collocations and idioms. London : Continuum Press, 2007. P. 23–42.
18. Национальный корпус русского языка. Основной корпус. Статистика. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/main/stats?search=ChEqCEoGc3BoZXJlMgIIAToBBQ==> (дата обращения: 27.06.2025).
19. Складневская Г.Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М. : Рус. яз., 1988. С. 88–100.

20. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
21. Biber D., Conrad S. Register, genre, and style. New York : Cambridge University Press, 2009. 344 p.
22. Гайкович Т.И. Материалы словаря М. Горького в аспекте общей лексикографии // Словоупотребление и стиль М. Горького. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1982. С. 88–100.
23. Гришина Е.А. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 3 (6). С. 65–87.
24. Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков / сост. Е.С. Истрина, И.А. Фалев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 39 с.
25. Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка. Пособие по выборкам / сост. А.М. Бабкин. Л. : Наука, 1972. 68 с.
26. Систематизация материалов словарных картотек (пособие для работников картотек) // Вопросы практической лексикографии / отв. ред. Р.П. Рогожникова. Л.: Наука, 1979. С. 129–148.
27. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев и др. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
28. Словарь русского языка: В 4 тт. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981–1984.
29. Rey A. Du discours au discours par l'usage: pour une problématique de l'exemple // Langue française. 1995. No. 106. P. 95–120.
30. Евгеньева А.П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М. : ОГИЗ, 1957. С. 167–177.
31. Bernier G. Review of [Richard Jorif, Le navire Argo; roman. Paris : Éditions François Bourin, 1987. 289 p.] // Documentation et bibliothèques. 2000. No. 46 (3). P. 149–150.
32. Ильенко С.Г. Русистика : избр. тр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 674 с.
33. Словарь русского языка XXI века. Проект / под ред. Г.Н. Складневской. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 144 с.
34. Митрофанова О.А., Крылов С.А. «Типовой» контекст: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». М. : Изд-во РГГУ, 2006. С. 382–388.
35. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.

References

1. Vorontsov, R.I. & Priemysheva, M.N. (2024) Russkaya akademicheskaya tolkovaya leksikografiya v kontekste evropeyskoy slovarnoy traditsii: formirovanie leksikograficheskikh printsiptov normativnosti i istorizma [Russian academic explanatory lexicography in the context of the European dictionary tradition: the formation of lexicographic principles of normativity and historicism]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 83 (5). pp. 5–24.
2. Gorodetskiy, B.Yu. (1988) Leksikografiya i teoriya pod"yazykov [Lexicography and the theory of sublanguages]. In: *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow: Nauka. pp. 194–202.
3. Kotelova, N.Z. (1995) Tekstovye leksiko-frazeologicheskie materialy kak lingvisticheskiy istochnik [Textual lexical and phraseological materials as a linguistic source]. In: *Natsional'nye leksiko-frazeologicheskie fondy* [National Lexical and Phraseological Funds]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 11–18.
4. Sorokin, Yu.S. (1967) O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka [On the normative-stylistic dictionary of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaviya*. 5. pp. 22–32.
5. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [The corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 16 (2). pp. 7–20.
6. Mustayoki, A. (1988) O predmete i tseli lingvisticheskikh issledovaniy [On the subject and aim of linguistic research]. In: *Yazyk: sistema i funktsionirovanie* [Language: System and Functioning]. Moscow: Nauka. pp. 170–181.
7. Vinogradov, V.V. (1990) *Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisateley. Ot Karamzina do Gogolya* [Selected Works. The Language and Style of Russian Writers. From Karamzin to Gogol]. Moscow: Nauka.
8. Uvarov, V.D. (1979) Sub"ektivnoe i ob"ektivnoe v slovare (Iz opyta ital'yanskoy leksikografii) [The subjective and the objective in a dictionary (From the experience of Italian lexicography)]. In: Uvarov, V.D. (comp.) *Perevodnaya i uchebnaya leksikografiya* [Translation and Educational Lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 43–52.
9. Gerd, A.S. (2015) Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka kak slovar'-tezaurus [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a dictionary-thesaurus]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Work, Scientific Legacy]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 948–954.
10. Golubeva-Monatkina, N.I. (2017) Ideologicheskii komponent v slovarnykh definitsiyakh (na materiale sovremennykh frantsuzskikh tolkovykh slovarey) [The ideological component in dictionary definitions (based on modern French

- explanatory dictionaries)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 76 (1). pp. 55–59.
11. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2020) Protsessy ideologizatsii i deideologizatsii v russkom religioznom slovare [Processes of ideologization and de-ideologization in the Russian religious dictionary]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 204–215.
 12. Pestova, A.R. (2025) Stilisticheskie pomety v slovare kak zerkalo epokhi [Stylistic labels in the dictionary as a mirror of the era]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 3. pp. 265–275.
 13. Gorbachevich, K.S. (1988) Slovar' literaturnogo yazyka i yazyk khudozhestvennoy literatury [The dictionary of the literary language and the language of fiction]. In: *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow: Nauka. pp. 155–161.
 14. Puritskaya, E.V. (2022) Ot "Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" do "Bol'shogo akademicheskogo slovara russkogo yazyka" [From the "Dictionary of the Modern Russian Literary Language" to the "Great Academic Dictionary of the Russian Language"]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii: yubileyny sbornik nauchnykh statey* [History, Theory and Practice of Academic Lexicography: Anniversary Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg: ILI RAN. pp. 83–94.
 15. Vorontsov, R.I. (2024) Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka: perspektivy elektronnoy realizatsii [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: prospects for electronic implementation]. *Filologicheskii klass*. 29 (3). pp. 56–68.
 16. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in Russian academic lexicography: The great explanatory dictionary type re-examined. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1
 17. Geyken, A. (2007) The DWDS corpus: A reference corpus for the German language of the 20th century. In: *Collocations and idioms*. London: Continuum Press. pp. 23–42.
 18. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. [Russian National Corpus]. (2025) *Osnovnoy korpus. Statistika* [Main corpus. Statistics]. [Online]. Available from: <https://ruscorpora.ru/corpus/main/stats?search=ChEqCEoGc3BoZXJlMgIIAToBBQ==> (Accessed: 27.06.2025).
 19. Sklyarevskaya, G.N. (1988) Kategoriya obraznosti i tolkovyy slovar' literaturnogo yazyka [The category of imagery and the explanatory dictionary of the literary language]. In: *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet Lexicography]. Moscow: Russkii yazyk. pp. 88–100.
 20. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–21.

21. Biber, D. & Conrad, S. (2009) *Register, genre, and style*. New York: Cambridge University Press.
22. Gaykovich, T.I. (1982) Materialy slovarya M. Gor'kogo v aspekte obshchey leksikografii [Materials of M. Gorky's dictionary in the aspect of general lexicography]. In: *Slovoupotreblenie i stil' M. Gor'kogo* [Word Usage and Style of M. Gorky]. Saratov: Saratov State University. pp. 88–100.
23. Grishina, E.A. (2015) Mul'timodal'nyy modul' v sostave Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka [The multimodal module as part of the Russian National Corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 6 (3). pp. 65–87.
24. Istrina, E.S. & Falev, I.A. (comp.) (1936) *Slovar' russkogo yazyka. Instruktsiya dlya vyborshchikov* [Dictionary of the Russian Language. Instructions for Compilers]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Babkin, A.M. (comp.) (1972) *Razrabotka leksiki i frazeologii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Posobie po vyborkam* [Development of the Vocabulary and Phraseology of the Modern Russian Literary Language. A Manual for Excerpting]. Leningrad: Nauka.
26. Rogozhnikova, R.P. (ed.) (1979) Sistematizatsiya materialov slovarnykh kartotek (posobie dlya rabotnikov kartotek) [Systematization of dictionary card file materials (a manual for card file workers)]. In: *Voprosy prakticheskoy leksikografii* [Issues of Practical Lexicography]. Leningrad: Nauka. pp. 129–148.
27. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. 17 vols. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4 vols. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Rey, A. (1995) Du discours au discours par l'usage: pour une problématique de l'exemple. *Langue française*. 106. pp. 95–120.
30. Evgen'eva, A.P. (1957) O nekotorykh leksikograficheskikh voprosakh, svyazannykh s izdaniem bol'shogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka AN SSSR [On some lexicographic issues related to the publication of the large Dictionary of the Modern Russian Literary Language of the USSR Academy of Sciences]. In: *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic Collection]. 2. Moscow: OGIZ. pp. 167–177.
31. Bernier, G. (2000) Review of [Richard Jorif, *Le navire Argo*; roman. Paris: Éditions François Bourin, 1987. 289 p.]. *Documentation et bibliothèques*. 46 (3). pp. 149–150.
32. Il'enko, S.G. (2003) *Rusistika: izbr. tr.* [Russian Studies: Selected Works]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
33. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka. Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the 21st Century. A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

34. Mitrofanova, O.A. & Krylov, S.A. (2006) ["Typical" context: coincidence or pattern?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2006"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2006"]. Moscow: RSUH. pp. 382–388. (In Russian).
35. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторах:

Воронцов Роман Игоревич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com.

Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Roman I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Ekaterina G. Stukova, junior research fellow, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 11.11.2025*